

A woman with long dark hair, wearing a bright yellow raincoat and black boots, stands with her back to the camera. She is positioned in a shop or cafe, looking out through a large window. Outside, a rainy street is visible with cars and buildings. A black motorcycle is parked inside the shop next to her. The floor is covered with fallen orange and yellow autumn leaves. The window has several posters and notices pinned to it. The overall atmosphere is cozy and autumnal.

София Сусьян

Дождь для нас

София Сусьян

Дождь для нас

<https://litres.ru/74096946>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тула. Осень. Дожди. Четырнадцатилетняя Агата живёт обычной жизнью: школа, домашние дела, редкие прогулки под зонтом и музыка, которая помогает не сойти с ума от скуки. Её мир — это комната с постерами Цоя и «Гражданской обороны», старый плеер, книги и окно, в которое она смотрит часами, наблюдая за проспектом. Но однажды всё меняется

Содержание

Глава 1

4

Глава 2

10

София Сусьян

Дождь для нас

Глава 1

АГАТА

В прекрасном городе Туле наступил вечер. Листья деревьев медленно падали на чуть освещаемые тусклым светом фонаря дорожки. Дул ветер. На дворе — начало осени, ещё тепло, но скоро пойдут регулярные дожди. Солнечные дни будут всё реже, а пасмурные, холодные дни — всё чаще.

Агата сидела в своей комнате и смотрела в окно.

Комната у неё была небольшая, но уютная — по-своему. В углу у стены стояло фортепиано, на котором она почти не играла, у другой стены — кровать, застеленная пледом с оленьями, туалетный столик с треснувшим зеркалом и шкаф с книгами, где «Метро 2033» соседствовало с детективами Донцово́й. Письменный стол был завален тетрадами, порванными ручками и старым плеером «Сони». На стенах — не обои с цветочками, которые клеила мама, а постеры. Над кроватью — Виктор Цой, чёрно-белый, в кожаной куртке, с отстранённым взглядом. Рядом — логотип «Гражданской обо-

роны», нарисованный акрилом на ватмане: «Всё идёт по плану». Чуть ниже — фотография группы «Агата Кристи» и листок с распечатанной строчкой «Как на войне, как на войне». А на дверце шкафа, прилепленная на двусторонний скотч, красовалась надпись фломастером: «Дайте танк (!)» — группа, которую Агата открыла для себя этим летом и теперь слушала в наушниках, когда никто не видел.

У окна стоял табурет, деревянный, скрипучий, с отломанной поперечиной. Агата любила сидеть на нём, поджав ноги, и смотреть вниз — на проспект, на редких прохожих, на свет фар, отражающийся в лужах.

Из третьего дома, того, который напротив, вышел высокий мужчина, за ним вышла женщина, по-видимому, его жена, они сели в машину и уехали. Агата безразлично взглянула на пару в последний раз и вздохнула.

«Скучно», — подумала девочка.

— Агата, ну сколько можно тебя ждать, зову же! — прервал её мысли громкий мамин голос.

— Ой, мам, иду, я задумалась просто, — вздрогнула Агата и, уронив табурет, на котором сидела, поспешила на мамин голос на кухню.

Агате было 14 лет, она родилась здесь же, в Туле. Отца своего она никогда не видела: он погиб, разбился на самолёте, когда летел домой в Москву. Мама не любила об этом говорить, поэтому об отце ей рассказывала бабушка.

Агата вошла в светлую кухню, за столом сидела её мама Света. Над маленьким круглым столом висела аккуратная бежевая люстра. В углу кухни стоял холодильник, слева от него была плита, пара шкафчиков на стене — и всё, на этом скромный интерьер кухни заканчивался.

— Мама, я тут, — сказала девочка, войдя на кухню, — ты звала?

— Звала, конечно. Сейчас зайдёт бабушка, прибери, пожалуйста, в комнате, — сказала мама, вставая из-за стола. — А мне надо сходить на рынок, скоро буду. А ты сделай, пожалуйста, что я просила.

— Хорошо, пока, — сказала Агата и направилась в комнату выполнять мамину просьбу. Чуть согнув спину, Агата бросила взгляд на маму и, не дождавшись ответа на своё прощание, ушла к себе.

«Завтра уже снова в школу, быстро прошли выходные»,

— с досадой подумала она, глянув на календарь.

Агата протира́ла пыль и думала о своей подру́ге Фае. Она уже как три дня не живёт в Туле: из-за смены работы её мамы они были вынуждены срочно переехать в Екатеринбург. Агата очень сильно скучала по подру́ге, с Фаей они были знакомы с раннего детства. Перебирая ящик письменного стола, девочка нашла маленький конверт, в нём лежала свернутая вчетверо бумажка. Развернув её, Агата прочитала: «Любимой подру́ге с тёплыми пожеланиями». Это последнее, что успела передать Фа́я перед отъездом. Агата не могла даже позвонить Фае — ей пришлось поменять номер телефона. Без подру́ги ей было очень одиноко. Фа́я и Агата были очень похожи друг на друга: у обеих каштановые кудрявые волосы, зелёные глаза и веснушки, только Фа́я была пониже подру́ги.

Пока Агата думала, прошёл час. Позвонила мама, она сказала, что бабушка придёт через два часа, и попросила поставить чай. Девочка пошла на кухню. Вдруг из ванной вышел их кот Василёк, повертев хвостом и громко мяукнув, он старался привлечь внимание Агаты, но она торопилась всё успеть к приходу бабушки, и кот, поняв, что ждать внимания не стоит, ушёл в спальню. Придя на кухню, Агата поставила чайник и подошла к окну: погода переменилась, пошёл дождь. Капли звонко стучали по подоконнику, создавая особенную музыку. Забыв про мамину просьбу, девочка села у

открытого окна. Машины ехали по лужам, несколько человек, раскрыв зонты, шли по улице. Вот пробежал маленький мальчик — видимо, он забыл зонт и, чтобы не намокнуть, торопился под крышу. Пролетел голубь. Агата глянула на часы: почти пять! Она совсем забыла про чай, а скоро должна была прийти бабушка. Девочка быстро поставила чай и побежала в комнату, чтобы переодеться. Она надела синюю футболку и джинсы, заколола волосы и посмотрела в зеркало. Вдруг в дверь позвонили. На пороге стояла мама.

— Агата, ты сделала, что я просила? — строгим голосом спросила мама, снимая пальто.

— Да, мам, — ответила девочка, стоя в прихожей и беря в руки протянутое ей мамино пальто, — всё сделала.

— Через час должна прийти бабушка, — сказала мама, надев домашние тапки.

— Хорошо, я могу пойти к себе в комнату? — спросила Агата, прислонившись к двери.

— Иди, конечно, я позову, как бабушка придёт, — сказала мама, направляясь на кухню.

Агата ушла к себе.

В её комнате стояли стол, в углу у стены — фортепиано, у стены — кровать, туалетный столик и шкаф с книгами. У окна стоял табурет, на котором Агата сидела и смотрела в окно. Зайдя в комнату, она открыла окно и легла на кровать. Шум дождя за окнами успокаивал девочку, и она не заметила, как уснула.

Глава 2

Глава 2

НОЧЬ

...Агата проснулась от того, что в комнате стало холодно. Окно, которое она открыла перед сном, распахнулось настежь, и мокрый ветер шевелил постер на дверце шкафа. Девочка поёжилась, потянулась к телефону на столе — 00:47. Ночью. В доме было тихо, только где-то на кухне мерно гудел холодильник, да за окном шумел дождь — ровно, бесконечно, как будто город решил утонуть в этой ночи.

Агата села на кровати и прислушалась. Сквозь шорох мокрых листьев и мерный стук капель по подоконнику доносились голоса. Два. Мужских. Совсем молодых, но один — постарше. Она осторожно встала, прошлёпала босыми ногами по холодному полу к табурету и, пригнувшись, выглянула в окно.

Ночь была тёмной, как чернила. Уличные фонари размазывали жёлтые пятна по мокрому асфальту, и в этих пятнах, как в акварельных кляксах, отражались лужи, деревья с почти голыми ветками и две человеческие фигуры. Дождь шёл стеной, косою, пронизывающий ветер срывал капли с крыши и швырял их в стёкла.

У фонаря, прямо под ним, стояли двое. Один — совсем мальчишка, лет пятнадцати, с рыжими кудрявыми волосами, которые намokли и вились ещё сильнее, падая на лоб и закрывая глаза. Вода стекала по его лицу, по чёрной джинсовой куртке, по брюкам, которые отяжелели от влаги и облепили ноги. Небесно-голубые глаза, даже в этот серый, размытый дождём вечер, казались яркими, но в них не было света — только усталость и боль. Лицо у него было милое, с тонкими чертами, но сейчас оно казалось бледным и осунувшимся. Он стоял, опустив плечи, не прячась от дождя, и смотрел куда-то вниз, в мокрый асфальт, где капли разбивались и собирались в маленькие озёрца.

Второй, постарше, стоял чуть поодаль, прислонившись плечом к фонарному столбу. Чёрные кудрявые волосы намokли и прилипли к вискам, тёмные, почти чёрные глаза смотрели в ночь. В руке он держал сигарету — её огонёк то вспыхивал оранжевым, то тускнел, отбрасывая тени на его резкие черты лица. Дым медленно поднимался вверх и смешивался с дождём, растворяясь в сырой темноте. На вид ему было около двадцати. Он был выше брата, под метр восемьдесят, и одет проще: тёмная футболка, потёртая кожаная куртка, джинсы. Он не торопился, не суетился, хотя дождь уже вымочил его насквозь. Просто курил и ждал, пока младший заговорит. И тишина между ними была плотной, как воздух перед грозой.

Где-то далеко проехала машина — шины зашуршали по

мокрому асфальту, на секунду разорвав монотонный шум дождя, и снова всё стихло. Только капли, капли, капли — барабанившие по карнизам, по подоконникам, по листьям, которые уже почти все опали. Ветер качнул голые ветки, и они скрипнули, жалобно и одиноко.

— ...ну и забей, — сказал старший, выпуская дым в сторону. Голос у него был низкий, спокойный, чуть хрипловатый, как будто он тоже устал и замёрз, но не показывал этого. — Ты что, реально из-за неё паришься? Она же просто стерва, Глеб. Я тебе с самого начала говорил.

Глеб — тот, что с рыжими кудрями — дёрнул плечом, но головы не поднял. Капли стекали по его шее за воротник, но он, казалось, не замечал холода.

— Ты ничего не говорил, — огрызнулся он, но без злости, скорее устало. Голос его сел и дрожал, как будто он долго плакал или кричал, а теперь уже не осталось сил. — Ты просто молчал и ухмылялся. Ты всегда так делаешь.

Вадим затянулся и долго держал дым в лёгких, прежде чем выпустить. Огонёк сигареты осветил его лицо на мгновение — тёмные глаза, резкие скулы, лёгкую щетину. Он посмотрел на брата и покачал головой.

— Я ухмылялся, потому что знал, чем кончится, — пожал плечами он. — Она же с Пашей начала тусить ещё месяц назад. Ты что, не видел?

Глеб наконец поднял голову. В жёлтом свете фонаря его лицо было бледным, почти прозрачным, мокрые ресницы

слиплись, а небесно-голубые глаза покраснели и блестели. Он не плакал — или уже перестал, — но было видно, что он держится из последних сил. Рыжие кудри прилипли к вискам, дождь стекал по щекам смешиваясь с тем, что, возможно, было слезами. — Она сказала, что это просто друг, — тихо сказал Глеб, глядя куда-то в сторону. Голос его дрогнул и сорвался. — Она врала, да?

— Она врала, — спокойно подтвердил брат. Он вытащил из кармана пачку сигарет, но не закурил, просто сжал её в руке, слушая, как шуршит мокрый картон. — Но ты тоже не дурак, Глеб. Ты просто надеялся. А надеяться — это подурацки.

Глеб замолчал. Поднял голову к небу — туда, где между серыми тучами почти не видно было звёзд, только бесконечная влажная темнота. Дождь бил ему в лицо, и он не закрывался. Рыжие кудри намокли окончательно, вода стекала по воротнику чёрной куртки, но он стоял, глядя в чёрное небо, как будто искал там ответы.

Где-то вдалеке часы на башне пробили час. Глухо, тягуче, как будто время тоже замёрзло в этой ночи.

— Ты сам-то как будто знаешь, — буркнул Глеб после долгой паузы, и в голосе его послышалась обида. — Ты вообще не понимаешь. У тебя всё всегда хорошо.

Вадим усмехнулся — горько, по-взрослому. Он прикурил новую сигарету, и спичка чиркнула, осветив на секунду его лицо. Дождь шипел, падая на горящий кончик, но сигаре-

та разгорелась. Он глубоко затаился и посмотрел куда-то в сторону, в темноту, где мокрый проспект уходил за горизонт и терялся в тумане.

— Не понимаю? — переспросил он тихо. — Глеб, ты серьёзно?

Глеб поднял на него глаза. Вадим помолчал, потом выдохнул дым и сказал, и голос его стал глубже, как будто он рассказывал что-то очень личное:

— Знаешь, сколько у меня было отношений? Три. Серьёзных. И все — как под копирку. Сначала всё круто, думаешь — она та самая. А потом — раз. И она уходит. Или я понимаю, что нам не по пути. И остаёшься один. И вот что интересно — каждый раз думаешь, что привыкнешь. А не привыкаешь.

Он замолчал, глядя куда-то в темноту. Сигарета медленно догорала между пальцев, и пепел срывался в лужу у его ног. Дождь всё лил и лил, создавая вокруг них плотную стену воды.

Глеб ждал, не перебивая. Капли стучали по асфальту, по крышам машин, по железным листам на стройке где-то неподалёку — и все эти звуки сливались в одну бесконечную песню.

— Но есть одна история, — сказал Вадим после долгой паузы. Голос его стал тише, как будто он вспоминал что-то давнее. — Не моя. Но я её хорошо знаю.

Он затушил сигарету о мокрый столб, и она зашипела, по-

гаснув. Он повернулся к брату. Дождь стекал по его чёрным кудрям, по лицу, по шее, но он не замечал.

— У нас во дворе жил парень. Лёшка. Я с ним в одной школе учился, на пару лет старше был. Хороший парень, добрый. Он с девушкой познакомился в парке осенью, как сейчас. Просто сидел на скамейке, играл на гитаре, она подошла, попросила сыграть что-то из «Кино». Ну и завязалось. Они гуляли, ходили в кино, общались. Мило так, правда. Смеялись, фоткались, она ему записки оставляла в карманах куртки. Я видел их пару раз — такие счастливые, что аж тошно.

Ветер качнул ветки, и с них сорвался водопад капель, громко ударив о землю. Где-то залаяла собака, но быстро замолкла — как будто ночь проглотила и этот звук.

— А потом Лёшка попал по статье, — продолжил Вадим. — Драка. Он кого-то ударил, тот упал, ударился головой. Не специально, случайно. Но статья была серьёзная. Ему дали два года.

Глеб замер. Дождь стучал по его куртке, но он не шевелился.

— И что? — спросил он. Голос его был хриплым.

— А то, — Вадим достал новую сигарету, но не закурил, просто покрутил в пальцах. — Девушка его ждала. Каждый месяц ездила на свиданки, носила передачи, писала письма. Говорила, что дождётся. Что они вместе справятся. Все вокруг ей говорили: «Да брось ты его, найди нормального». А

она не слушала. Она его любила, Глеб. По-настоящему.

Глеб слушал, не дыша. Агата наверху тоже замерла, прижав ладонь к холодному стеклу. Вокруг неё была тишина — только дождь и голос Вадима.

— А он через полгода, — продолжил Вадим, и голос его стал жёстким, как будто он всё ещё не мог принять эту историю, — прислал ей письмо. Короткое. Что не хочет её больше видеть. Что нашёл там другую. Что она ему не нужна. Написал: «Забудь меня». — Он её бросил? — выдохнул Глеб.

— Бросил, — кивнул Вадим. Он наконец прикурил сигарету, и огонёк ярко вспыхнул в темноте. Глубоко затянулся и выпустил дым вверх, к тёмному небу. — Я её потом видел. Она сидела на той скамейке в парке, где они познакомились. И плакала. Просто сидела и плакала, а вокруг люди ходили. Дождь тогда был, как сейчас. Она сидела под зонтом и плакала. Она не понимала — за что. Она его ждала, верила в него. А он — просто взял и вычеркнул.

— Но почему? — голос Глеба сорвался. — Зачем он так сделал? Если она любила его, если ждала...

Вадим посмотрел на брата. В его тёмных глазах мелькнула боль, и он отвернулся, глядя в мокрую, размытую дождём улицу.

— Он не хотел, чтобы она ждала. Он знал, что после тюрьмы он будет другим. У него не было ничего — ни денег, ни жилья, ни будущего. Он думал, что она заслуживает лучшего. Он хотел, чтобы она была счастлива. Но сделал это так,

что она до сих пор не может забыть его. Это уже два года прошло.

Он замолчал. Дождь стучал по асфальту, по крышам машин, по листьям. Где-то капля упала с карниза прямо в лужу, и по воде пошли круги, отражая жёлтый свет фонаря.

— Ты понимаешь, Глеб? — тихо сказал Вадим, глядя в темноту. — Иногда люди бросают не потому, что разлюбили. А потому что боятся. Боятся, что причинят боль. Боятся, что не потянут. И уходят, хотя на самом деле хотят быть рядом. Но это не делает их хорошими. Это делает их трусами.

Глеб смотрел на брата. В его небесно-голубых глазах стояли слёзы — не из-за его девушки, а из-за этой истории. Из-за Лёшки. Из-за той девушки, которая сидела на скамейке под дождём и плакала. Капли стучали по его лицу, и теперь невозможно было понять — дождь это или слёзы.

— И ты поэтому один? — спросил Глеб тихо, почти шёпотом. — Ты боишься?

Вадим усмехнулся — горько, по-взрослому. Он затушил сигарету, и она зашипела в луже. Протянул руку и взъерошил мокрые рыжие кудри брата — тот не отстранился.

— Может быть, — сказал он. — Может быть, боюсь. Но я точно знаю одно: я не хочу быть как Лёшка. Я не хочу делать больно тому, кто меня любит. Поэтому я и не подпускаю никого близко. Пока не научусь. А ты — ты ещё мальчишка. У тебя всё впереди. И эта девушка — да ладно, Глеб. Она — просто ступенька. Ты упадёшь, встанешь и пойдёшь дальше.

Глеб молчал. Потом провёл рукой по лицу — вытер слёзы или дождь, непонятно. Дождь всё лил, и ветер трепал ветки, и где-то далеко проехала ещё одна машина, разбрызгивая воду.

— А что стало с Лёшкой? — спросил он.

— Он вышел. Уехал в другой город. Говорят, работает на стройке, — Вадим пожал плечами. — Но он никому не пишет. А она... она всё ещё ходит в тот парк. Иногда. Говорят, носит с собой ту самую записку. Что он ей написал перед тем, как сесть. Там было написано: «Я вернусь, любовь моя».

Глеб опустил голову. Капли стекали по его лицу, и он не вытирал их.

— Жестоко, — выдохнул он.

— Жестоко, — согласился Вадим. — Но это жизнь. И она, знаешь, не спрашивает, готов ты к этому или нет.

Он снова хлопнул брата по плечу, на этот раз мягче. Дождь вдруг стих — на минуту, как будто небо перевело дыхание. Стало слышно, как где-то капает вода с крыш, как шуршат мокрые листья, прибитые к асфальту.

— Пойдём, рыжий. Мороженое с орехами ждёт, — сказал Вадим. — И не вздумай мне там снова реветь, понял? Я уже один раз тебя успокаивал. На второй раз придётся покупать два ведра.

Глеб фыркнул. Сквозь слёзы и дождь.

— Ты придурок, Вадим.

— Я знаю, — усмехнулся тот. — Пойдём.

Они развернулись и пошли вдоль проспекта — в сторону круглосуточного ларька, свет которого мерцал в тумане, как далёкий маяк. Глеб всё ещё был в куртке брата, которая ему была велика, но он не отдавал её обратно. Он дышал тяжело, но шагал твёрже. Вадим шёл рядом, засунув руки в карманы джинсов. Дождь снова пошёл — мелкий, противный, как будто небо передумало останавливаться. Фигуры их постепенно таяли в тумане и дождевой пелене. Фонари провожали их жёлтыми пятнами, размазанными по лужам. Ветер нёс мокрые листья, прибивая их к стенам домов и асфальту.

Фонарь, оставшись один, продолжал желтеть в темноте. Капли стучали по его стеклу, и свет разбивался на тысячи маленьких искр.

Агата ещё долго сидела у окна. Ветер дул уже совсем холодный, осенний. Она поджала ноги и обхватила колени руками, прижалась щекой к колену и смотрела вниз, туда, где уже никого не было. Только мокрый асфальт, лужи и дрожащий в них жёлтый свет.

Она думала о Лёшке и той девушке на скамейке. О том, как жестоко обходится жизнь с теми, кто верит. Как она сама сейчас верит, что Фая вернётся. Или что ей станет легче. Или что она встретит кого-то.

«Иногда люди бросают не потому, что разлюбили. А потому что боятся», — повторила она про себя слова Вадима.

Дождь стучал по стеклу. Капли собирались в ручейки и стекали вниз, размывая отражение ночного города.

Агата закрыла окно, задвинула щеколду и залезла под плед с оленями. Повернулась набок, свернулась калачиком. Плед уже не пах Фаей, только сыростью и домом. Она закрыла глаза.

Она подумала о Глебе. О его рыжих кудрях и голубых глазах. О Вадиме, который стоял под дождём и рассказывал про Лёшку. О том, как он говорил о страхе.

— Может, он тоже когда-то ждал, — прошептала она в темноту. — И его тоже бросили.

За окном дождь всё стучал и стучал. Монотонно, бесконечно. Как будто весь город засыпал под этот звук. И где-то там, в ночи, двое братьев шли по мокрым улицам к свету ларька. Один — совсем мальчишка, второй — почти мужчина. И оба